

Стефано Алоэ

Реконструкция литературной среды: *Дневник* В. К. Кюхельбекера в годы заточения и ссылки

Reconstructing a Literary Milieu: The Diary of V.K. Kiukhel'beker in the Imprisonment and Exile Years

The paper will follow the purposes and the literary patterns of the *Diary* written by V.K. Kiukhel'beker during the years of the imprisonment (1828-1835) and the Siberian exile (1835-1846). The *Diary* becomes for the poet the unique substitute of the literary and professional milieu from which he was pulled up while he considered himself as one of the prominent critics and poets of the young generation. In jail, and later in the Siberian exile, Kiukhel'beker creates an alternative literary world, with internal polemics, discussions, reviews of books and articles, memoirs and perspectives concerning the present and the future of the Russian literature, as if he still took an active part in the cultural life of his Country. Therefore, there are in the writer's *Diary* some particularities differentiating it from the general model of diary: at first, the relationship between the author and the diary is something like a mix of typical intimate self-writing and a simulation of public 'comparison' (very close to a journal column), where reality and fantasy strictly join and mix with each other; secondly, an interesting peculiarity of this *Diary* is the predominance of the future tense over the past: Kiukhel'beker is scarcely interested in his own past years, and only partially in his troubled present: he often lives in an 'eternal' dimension, writing his *Diary* for the posterity. Hence, the *Diary* acquires a didactical or ever prophetic tone, which is typical for Kiukhel'beker's self-perception.

Дневник Вильгельма Карловича Кюхельбекера стали признавать одним из самых значительных историко-литературных завещаний поколения Пушкина уже в момент его первого, отрывочного появления в печати на страницах «Русской Старины» в 1870-е – 80-е годы¹, в то время как художественные произведения этого полузабытого писателя и литературного критика привлекали внимание читателей в меньшей степени.

Общественная и профессиональная деятельность Кюхельбекера была навсегда прервана в конце 1825 года из-за его участия в декабристском восстании и последующего ареста. После приговора Кюхельбекер провел десять лет в заточении в разных прибалтийских крепостях и десять лет, до самой смерти, в ссылке в Сибири. Гражданские права, в том числе право печататься в журналах и публиковать книги, так никогда ему и не вернули.

Главной причиной особого внимания к *Дневнику* Кюхельбекера следует, вероятно, считать большое изобилие в нем информации как личного, так и литературного характера о Пушкине,

¹ «Русская старина», 1875, т. 13, кн. 7, с. 490-53; т. 14, с. 75-91; 1883, т. 39, кн. 7, с. 103-128; кн. 8, с. 251-272; 1884, т. 41, кн. 1, с. 71-82; кн. 2, с. 339-362; 1891, т. 72, кн. 10, с. 61-112. Стоит упомянуть отзыв Л.Н. Толстого, внимание которого к *Дневнику* Кюхельбекера привлек Н.Н. Страхов (см. переписку Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, март 1878 г.; Толстой 1984: 831-833).

Грибоедове, Жуковском и о большинстве поэтов первой четверти XIX века. Взгляд Кюхельбекера на литературу своего поколения казался необычным, этим же и интересен. С особой любовью и постоянством изучал такой взгляд Ю.Н. Тынянов, который в 1929 году подготовил вместе с В.Н. Орловым и С.И. Хмельницким второе издание *Дневника*, опять неполное, но расширенное по сравнению с сильно сокращенным вариантом, появившимся в «Русской Старине» (ср. Кюхельбекер 1929)². Если историко-культурное значение *Дневника* стало предметом исследований Тынянова и других историков литературы, в том числе редакторов его третьего, дополненного издания 1979 года (Кюхельбекер 1979)³, то вопросы стиля и жанра этого своеобразного произведения начали привлекать внимание исследователей позже (См. в частности:

² В 30-е годы Тынянов приобрел рукописи Кюхельбекера, в том числе тетради *Дневника*, и стал их обильно использовать в своих статьях о литературе эпохи Пушкина. Многие из этих рукописей, к сожалению, были утрачены во время ленинградской блокады (ср. Королева/Рак 1979а: 647-648; Мстиславская 1975: 5-37).

³ История этого издания также сложна: его подготовил М. Альтшуллер совместно с Н. В. Королевой. Однако Альтшуллер эмигрировал из СССР незадолго до появления книги в печати, отчего изданию угрожал запрет. В. Д. Рак согласился взять на себя ответственность за работу Альтшуллера, и под именами Рака и Королевой книга появилась в серии Литературные памятники (ср. Альтшуллер 1992: 192-196; Проскурин 2000: 190. Дополнения к *Дневнику* – см.: Тоддес 1990: 238-270).

Платоне 1988: 51-70; Platone 1990: 37-51; Kusiak-Skotnicka 2007: 43-50).

Если говорить о жанре, то *Дневник* Кюхельбекера является дневником в самом прямом смысле. В нем ведется почти ежедневная хроника жизни в заключении, а в дальнейшем и в ссылке; хроника внешне однообразной, но внутренне богатой жизни человека, лишенного не только свободы, но и, что для него было важнее, возможности творческого обмена с литературными соратниками и оппонентами⁴. При этом некоторые черты этого дневника отличают его от более типичных образцов жанра, что я и постараюсь показать в настоящей статье. Кюхельбекер интенсивно пишет в течение почти всего срока своего заточения. Он пишет поэмы, драмы, лирические стихотворения, переводы, художественную и критическую прозу. К *Дневнику* он приступает только 25 апреля 1831 года, то есть на шестом году заточения⁵. Это говорит о том, что до того времени у него не было привычки 'исповедоваться' перед дневником, и что, следовательно, такая внутренняя потребность возникла в особый момент и с определенными целями творческого и экзистенциально-психологического характера. Поэтому в *Дневник*, не являющийся художественным произведением, тем не менее сознательно вносятся некоторые черты жанрово и стилистически структурированного текста. *Дневник* становится для поэта единственной заменой литературной и общественно-профессиональной среды, из которой он был вырван в 1825 году. Не лишне будет заметить, что в первой половине 20-х гг. Кюхельбекер завоевывал все более видное и авторитетное место в русской литературной среде и что накануне восстания декабристов он числился среди ведущих и передовых критиков и теоретиков нового поколения (Подробнее

4 Ср.: "Давно я не проводил день так разнообразно, как нынешний: поутру перепевал вчерашний гимн; после обеда читал, а потом опять сочинял стихи другого рода – продолжал своего Ивана, вечером писал к сестре и перепевал переложение" (Запись от 1 февраля 1832 г. – Кюхельбекер 1979: 94). "Моя жизнь чрезвычайно как бедна происшествиями, книг же теперь у меня нет; оттого и отметки в дневнике моем так скудны" (Запись от 11 февраля 1832 г. – Кюхельбекер 1979: 96. Все цитаты из *Дневника* приводятся по этому изданию).

5 "Второй год моего дневника, начатого 25 апреля 1831 года" (Запись от 25 апреля 1832 г. – Кюхельбекер 1979: 118).

об этом Алоэ 2003: 40-45). Это объясняет, почему в первые годы заточения Кюхельбекер продолжает считать себя полноценным участником литературных дебатов и по-прежнему надеется на возможность царского помилования и на возвращение в общество. Личный дневник ему тогда не был нужен: профессиональный литератор все пишет для других, а привычки интимного дневника у него и раньше никогда не было. Только после ужесточения условий заточения в 1831 году⁶ и кризисного осознания неминуемости заключения поэт приспосабливается к своей новой жизни и ищет способ, чтобы примириться с ее жестокими условиями. *Дневник* рождается из этого внутреннего процесса и составляет один из основных психологических этапов такого примирения с ролью узника.

В тюремном заключении и далее в сибирских поселениях Кюхельбекер создает посредством *Дневника* фиктивный идейно-литературный мир, внутри которого он ведет полемику, участвует в дискуссиях и спорах, вступает в диалог с литераторами и критиками старых и новых журналов, рецензирует чуть ли не все книги, журналы и статьи, которые ему попадают в руки, записывает свои новые стихотворения лирического и религиозного характера, формулирует разного рода мысли – в основном касательно этики, истории и эстетики, часто под влиянием свежечитанных произведений. Особенно волнуют Кюхельбекера настоящее и будущее русской литературы, ее направления и роль в жизни общества. Будущее литературы он постоянно старается предугадать и предвестить, словно он по-прежнему является участником столичного культурного процесса.

Как сказано выше, *Дневник* поэта выделяется на общем фоне дневников своей

6 *Дневник* был начат через неделю после перевода узника из Динабургской крепости, где Кюхельбекер пользовался относительной свободой, в Ревельскую цитадель; там условия изначально оставались довольно мягкими, но возможность живого общения с другими людьми была прекращена: там и начинается создание *Дневника*. Совсем тяжкими стали условия после нового перевода в Свеаборгскую крепость в октябре того же 1831 года, и *Дневник* тут приобрел важнейшую роль (Королева/Пак 1979б: 584-587).

эпохи⁷ некоторыми чертами, такими как: отношением Автор-Дневник; отношением Автор-Реципиент; отношением к времени.

а) Отношение Автор – Дневник

Это смесь типичной для дневникового жанра 'Ich-Erzählung' и отнюдь не типичной симуляции, так сказать, 'публичного выступления' местами довольно похожего на газетный экспромт, где действительность и воображение, субъективная и критико-объективизирующая сфера тесно взаимодействуют и переплетаются друг с другом:

После обеда прочел окончание повести Бальзака *Старик Горио* и внутренне бесился на бессмысленные примечания г-на переводчика; но они более чем бессмысленны, они кривы и злонамеренны. Супружеская верность и чистота нравов мне, верно, не менее, чем ему, драгоценны и святы, но лицемерие и ханжество мне несносны; художественное создание не есть феораема эфики, а изображение света и людей и природы в таком виде, как они есть. Порок гнусен – но и в порочной душе бывает нередко энергия; и эта энергия никогда не перестанет быть прекрасным и поэтическим явлением. Бальзакова виконтесса, несмотря на свои заблуждения и длинную ноту *Библиотеки*, – все-таки необыкновенная, величавая (*grandiosa*) женщина, и если г. переводчик⁸ этого не чувствует, я о нем жалею. [курсив мой - С.А.]

Сказать ли? Право, боюсь даже в дневнике высказать на этот счет свое мнение. Но быть так! Читаю по вечерам мелкие стихотворения Пушкина; большая часть (и замечу: все почти хваленые, напр. *Демон*, *Подражания Корану*, *Вакхическая*

песнь, *Андрей Шенье* etc.) слишком остроумны, слишком обдуманно, обделанны и рассчитанны для эффекту, а потому (по моему мнению) в них нет... вдохновения. Зато есть другие, менее блестящие, но мне особенно любезные⁹.

Что интересно, Кюхельбекер по большому счету не придает *Дневнику* роль 'исповеди': со строгой самодисциплиной он работает над собой, чтобы *Дневник* был его профессиональной тетрадь, литературным черновиком. Личные данные регистрируются неохотно, с застенчивой деликатностью:

Знаю людей (и вдобавок не лицемеров), у которых самый высокий, самый благородный образ мыслей, которых правила истинно превосходны, – и которые весьма редко им следуют, хотя совершенно убеждены в их истине. Я, правда, никогда не хотел превращать дневника своего в *исповедь*, но быть так – признаюсь, что я сам отчасти принадлежу к сим самым людям. Меня часто други и недруги сравнивали с Жан-Жаком: в сем¹⁰ отношении я точно на него похож. [курсив мой - С.А.]

...если бы мои вечерние чувства соответствовали тем, какие имел поутру, – это было бы не беда; к несчастью, готовлюсь лечь спать столь же недовольный собою, как все эти дни. Дневник мой не исповедь; но не хочу казаться лучшим, чем я в самом деле: вот почему искренно признаюсь, что на поприще своем в последние месяцы я не шагнул вперед, а напротив. Да простят мне, если не говорю, в чем я именно недоволен собою: людям до этого нет нужды. Тебя же, мой Боже милосердый, молю: нашли мне, если это нужно, скорбь, стыд, унижение, все возможные земные бедствия, но спаси мою бессмертную душу! Эту

9 Запись от 19 мая 1835г. (Кюхельбекер 1979: 363).

10 Запись от 13 июля 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 157-158). Сравнение Кюхельбекера с Ж.-Ж. Руссо принадлежало Боратынскому (Тынянов 2001: 267-268). Конечно, не следует искать в этом дневнике текстологических и стилистических сходств со знаменитой Исповедью Руссо.

7 Ср. Егоров 2002. Розанна Платоне (Платоне 1988) сопоставила Дневник Кюхельбекера с Дзибальдоне Джакомо Леопарди.

8 Запись от 26 марта 1835г. (Кюхельбекер 1979: 359).

мольбу произносил я со страхом, но, ты знаешь, искренно, несколько раз в течение двух последних месяцев втайне; теперь пусть она стоит здесь написанная – мне в утрашение и напоминание. Если же ум мой помрачился, исцели меня, Боже! не предай меня сему ужасному злосчастью: буди мне помощником против самого себя!¹¹ [курсив мой - С.А.]

Что особенно интересно, в последней приведенной записи: мольбу, которую до того Кюхельбекер произносил со страхом во внутреннем диалоге с Богом, тут он решает написать, чтобы она в письменном виде служила ему самому “в утрашение и напоминание”. Это значит, что в его понимании внутренние переживания могут помещаться в *Дневнике* только для того, чтобы в дальнейшем их перечитывать, как *temento* автора самому себе. Это исключает ‘автобиографический пакт’ исповеди, эксплицитно (как обычно в жанре исповеди) или имплицитно (как часто в дневниках) предполагающий наличие слушателя в роли ‘духовника’ (ср. Pieri 2007: 28: “La confessio rende non solo imprescindibile, ma anche strategica la ‘funzione destinatario’”). См. также Lejeune 1996). Впрочем, только в виде исключения Кюхельбекер допускает в свой *Дневник* записи интимного характера. Он с самого начала придумал *Дневник* не только для себя, но и для потомков, о чем далее будет сказано подробнее. Таким образом, *Дневник* Кюхельбекера выполняет подчеркнута общественную функцию, как интеллектуальное (а не интимное) ‘завещание’. Как явствует из некоторых записей *Дневника*, интимное завещание, настоящее исповедание души, поэту иногда становилось необходимо, но оно передавалось в письмах к близким людям. Так, например, происходит в сентябре 1834 года, когда Кюхельбекер переживает мучительный творческий кризис и начинает сомневаться в собственном поэтическом даре; тогда он ‘исповедуется’ в письмах племянницам Наталье и

Александрe, а в *Дневнике* только замечает по этому поводу:

Благодаря Господа, я этот день провел и физически, и нравственно лучше многих, ему предшествовавших. Не жалею я даже, что, так сказать, исповедовался в письмах своих к Наташе и Саше: это было мне необходимо, раз, потому, что не хочу казаться моим милым лучшим, чем я в самом деле, а во-вторых, потому, что считаю подобные признания единственною эпитимиею, какую могу налагать на самого себя¹².

b) Отношение Автор – Реципиент

Когда мы говорим о художественном произведении, следует различать интенции (т.е. то, ‘почему’ произведение пишется) и адресатов (‘для кого’ оно пишется). Интенции касаются целей, наличие же адресатов связано с потребностью в общении, которая открывает место для потенциального диалога. В связи с этим текст приобретает новые стилистические аспекты, в частности, на передний план выдвигаются его эмотивная и конативная функции, а также создание фиктивного, абстрактного собеседника. В *Дневнике* Кюхельбекера можно наблюдать следующие тенденции:

b.i) *Интенции*: Всякая информация внесена в *Дневник* прежде всего для будущих читателей (см. ниже), но первый читатель *Дневника* – это сам автор. Характерно, что Кюхельбекер часто любил его перечитывать, так же как и перечитывал свои стихотворения, и обычно сопровождал эти прочтения внесением примечаний и корректур:

Перечел я свой дневник от 25 апреля 1831 года по 1 января 1832-го. Я рад, что он у меня есть; редкая в нем неделя, в которой бы не было

¹¹ Запись от 23 сентября 1834 г. (Кюхельбекер 1979: 334).

¹² Запись от 25 сентября 1834 г. (Кюхельбекер 1979: 334). Ср. письмо Кюхельбекера А. Г. Глинке от 25 сентября 1834 г. (ЛН 1954: 444-445).

доказательств милосердия ко мне Всевышнего. Завтра прочту остальное и письма, полученные мною здесь и в Р<евеле>¹³.

Перечитываю дневник: добрался я до 5 июня; пословицы, которые я выписал из Курганова, меня очень веселили; некоторые удивительно как хороши¹⁴.

Полуночью перечитывал дневник, а потом выправлял начало второго действия сказки¹⁵.

Книг мало, только «Revue étrangère», в которой я уже прочел самые занимательные статьи, – остался только подбор (Nachlese). Итак, перечитываю порою-временем старые дневники: встречаю в них отметки о таких сочинениях, которые вовсе изгладились из моей памяти. Насчет некоторых писателей я свое мнение переменяю: к этим в особенности принадлежит Бальзак. Теперь нахожу его довольно однообразным, хотя и теперь считаю его¹⁶ человеком очень даровитым.

Привычка перечитывать *Дневник* имеет, видимо, определенную вдохновляющую функцию, это способ возвращаться к старым идеям и замыслам и преображать их в новые творческие проекты. Примечателен и тот факт, что *Дневник* служит Кюхельбекеру и черновой тетрадью для новых стихотворений. Они играют в тексте сугубо личную роль, компенсирующую скудость интимных записей: свои внутренние переживания Кюхельбекер стремится передавать *Дневнику* только в лирической, сублимированной форме.

Наряду с такой внутренней интенцией, многие записи явно имеют интенцию, направленную и на других читателей, в основном абстрактных:

Давно уже у меня в голове бродит вопрос: возможна ли поэма эпическая, которая бы наши нравы, наши обычаи, наш образ жизни так передала потомству, как передал нам Гомер нравы, обычаи, образ жизни троян и греков? *Бенпо* и *Дон Жуан* Байрона и *Онегин* Пушкина попытки в этом роде, – но, *надеюсь, всякий согласится*, попытки очень и очень слабые, если их сравнить с *Илиадою* и *Одиссеею*...¹⁷ [курсив мой - С.А.]

...идею Шиллер уже воспользовался в своей *Кассандре*, но, *если смею сказать*, не совсем удовлетворительно...¹⁸ [курсив мой - С.А.]

В большинстве записей *Дневника* Кюхельбекер не пишет о себе, а размышляет о прочитанном, о религиозных и моральных темах, о знакомых людях. О себе он пишет довольно скудно и, как уже выше замечено, не касаясь интимных деталей. Тот факт, что его записи о себе носят характер саморазмышления и 'самопортретирования', что они отражают его вкусы, мнения и интеллектуальный профиль, подтверждает, что своим *Дневником* Кюхельбекер намеревался заинтересовать, а порой даже учить будущих читателей:

Я бы не должен давать волю перу моему, не должен бы верить бумаге чувства мои: но что утешит меня? Мысль, что это прочтут, может быть, поймут иначе... Но мне скрывать нечего: эти новые неприятности единственно произошли от моего несчастного положения, от одиночества, на которое я осужден; между тем если бы у меня был товарищ, кто скажет, не был ли бы я подвержен другого рода огорчениям? Господи боже мой, даруй мне терпение, на меня одного излей сию горькую чашу, да не буду я поводом страдания для других! Боже мой, тебе известно каждое помышление мое, каждое

¹³ Запись от 10 апреля 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 112).

¹⁴ Запись от 1 октября 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 191).

¹⁵ Запись от 16 июля 1834 г. (Кюхельбекер 1979: 323).

¹⁶ Запись от 28 июня 1841 г. (Кюхельбекер 1979: 404).

¹⁷ Запись от 17 декабря 1831 г. (Кюхельбекер 1979: 65).

¹⁸ Запись от 24 января 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 89).

чувство, прежде чем оно даже мне самому ощутительно! Ты знаешь, чего прошу, чего требует сердце мое: укрепи и утешь меня, мой Господи, и не вниди в суд с рабом твоим, яко не оправдается пред тобою всяк живой!¹⁹

Сегодня я отдыхал, и это мне было очень нужно: неумеренною головою работою, которая, сверх того, у меня сопряжена с телесным напряжением, ибо сочиняя хожу, я было себя опять расстроил; позыв на пищу и сон совсем у меня вчера и третьего дня пропал; зато сегодня я ел не как поэт, а как честный, добрый пахарь.²⁰

b.ii) Адресаты: несмотря на силу внутренней интенции ('Я', который пишет для 'Себя'), прямые обращения к себе в *Дневнике* Кюхельбекера крайне редки. Если обращения к самому себе кое-где и встречаются, то они носят явно риторический, т.е. литературный, характер и доказывают сознательное отношение к *Дневнику* как к тексту, обращенному к читателям:

Все ближе и ближе конец этого рокового года: что-то будет в следующем? Я, который теперь отмечаю чувства свои, перечту ли эту отметку через год? При наступлении нового года у всех сердце бьется сильнее, все ожидают чего-то лучшего, нового: мне чего ожидать? Но в сытость мне этот 1831-й год, в сытость и в тягость...²¹

Что значат неудачи, которые испытываю с некоторого времени в моих занятиях? Истошились ли мои способности? Или я еще не набрел на предмет истинно вдохновительный? Или воображению и творческой силе так же необходим отдых, как сила телесным?²²

Основная функция обращений – выйти из замкнутости одиночества и неволи, открывая вымышленное общение, и таким образом превратить повествовательную структуру *Дневника* из монологической и автореферентной в псевдо-диалогическую, 'выйти навстречу' своим адресатам. Намного чаще, чем обращения к себе, для этой цели служат вопросы, восклицания; нередко обращения к Богу, а в первый период после рождения сына Михаила встречаются обращения к нему, ставшему тогда в намерениях Кюхельбекера новым адресатом *Дневника*.

С стесненным сердцем я ожидал сегодняшнего дня: надобно было непременно заплатить кое-кому 20 рублей, а взять их совершенно было не у кого. Но, милый сын мой (для тебя в особенности пишу этот дневник), я столько в жизни испытал явных доказательств божией помощи, что не отчаивался и надеялся на совершенно неожиданную какую-нибудь выручку. Это так и случилось: два добрых человека, А. Я. Попов и бедняжка Савичевский, заплатили за меня этот долг.²³

Таким образом, со страниц своего *Дневника* Кюхельбекер вступает в диалог, иногда эксплицитно, чаще имплицитно, с самим собой, с Богом, с сыном, со своей эпохой (что видно, прежде всего, из его высказываний о текущем литературном процессе и из 'реплик' литературным единомышленникам и оппонентам).

Брамбеус! – перечел я его диатрибу *Брамбеус и юная словесность*. Какие у него понятия о словесности [...]. С чем имею честь поздравить господина Брамбеуса! Я бы лучше согласился быть сапожником, чем трудиться в этих границах и для этой цели.²⁴

Любопытная статья в «Сыне отечества» на 1825 год – *Догадки об обитаемости Луны*. Что до меня, я

19 Запись от 21 декабря 1831 г. (Кюхельбекер 1979: 69-70).

20 Запись от 2 ноября 1833 г. (Кюхельбекер 1979: 283).

21 Запись от 29 декабря 1831 г. (Кюхельбекер 1979: 72).

22 Запись от 26 марта 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 110).

23 Запись от 6 декабря 1840 г. (Кюхельбекер 1979: 393).

24 Запись от 3 апреля 1840 г. (Кюхельбекер 1979: 360).

не только догадываюсь, но могу сказать твердо – уверен, что Луна и все тела небесные обитаемы: мне кажется, что это и быть не может иначе²⁵.

Из *Библиотеки* я узнал, что есть еще другой ‘Торквато Тассо’, кроме Кукольника. Она же меня уведомила о смерти Гнедича, Сомова, Мартынова. Всех более мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною²⁶.

с) Отношение Автор – Время

Достойна внимания одна особенность *Дневника* Кюхельбекера, отражающая специфическое отношение поэта ко ‘времени’. Если самое типичное для дневников – это регистрация настоящих переживаний и переосмысление прошедших событий, то в случае Кюхельбекера можно наблюдать несколько иную постановку: его взгляд направлен преимущественно ‘в будущее’. На это есть ряд причин. Во-первых, унылое настоящее нужно предать забвению и воспринимать его лишь как незначительный перерыв в ‘истинной’ жизни, поэтому имеет значение только регистрация прочитанного и планирование творческой работы, что сам Кюхельбекер объясняет как свою психологическую борьбу со сроком приговора:

...первые сцены *Ивана, купеческого сына* написаны; дай бог, чтобы не было остановки. Это сочинение займет меня по крайней мере два месяца, месяц полагаю на переправку, на прозу и переписку набело; тогда три месяца с плеч долой – c'est autant de gagner sur l'ennemi – а мой неприятель время, или, лучше сказать, те 9 лет с месяцами, которые, по всем вероятностям, проведу еще в одиночестве²⁷.

Во-вторых, пережитое лично редко вызывает у Кюхельбекера ностальгические воспоминания, к нему поэт относится сухо, с ярко выраженным критическим настроем (о его личном прошлом почти ничего не пишется; о литературном и общественном прошлом пишется с историческим дистанцированием). Поскольку *Дневник* был задуман, чтобы заменить ставшее невозможным интеллектуальное общение с современниками, он передвигает это общение с горизонтального временного плана, т.е. с плоскости настоящего, текущего, на план временной вертикали, т.е. на будущее, может быть, даже на вечность:

Нынешний день для меня был днем воспоминаний: перебирал я свои старые тетради и перечел кое-какие из лирических своих стихотворений – некоторые духовные и *Послание к брату*. Они сильно на меня подействовали: в некоторых почерпнул я утешение, подкрепление, в котором, признаюсь, нуждался. Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человек не без дарований; счастлив буду, если промолвят: и не без души²⁸.

Старик Гомер со мною часика два разговаривал после обеда: хочу пользоваться его беседою каждый день²⁹.

Дидеро мне известен почти только по репутации; желал бы я познакомиться с ним более³⁰.

Вот и половина моего срока кончилась: семь лет и девять месяцев я прожил в заключении; остается столько же. Доживу ли я до конца этого срока? Сократится ли он царскою милостию? Прервется ли он милосердием Божиим, ангелом господним, разрешающим всякие узы, тем ангелом, которого мы называем смертью, который мне

25 Запись от 28 ноября 1833 г. (Кюхельбекер 1979: 286).

26 Запись от 20 октября 1834 г. (Кюхельбекер 1979: 336).

27 Запись от 22 января 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 88).

28 Запись от 18 августа 1834 г. (Кюхельбекер 1979: 329).

29 Запись от 3 февраля 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 95).

30 Запись от 11 марта 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 107).

– надеюсь на благость моего спасителя – не будет смерти, а жизнь лучше? Много вкусил я горького в течение сих семи лет и девяти месяцев [...], но решаюсь безмолвно и безропотно переносить все, что бы мой великий и премудрый Воспитатель ни налагал на меня; он воспитывает меня для вечности: ужели минутою страданья дорого купить то, что назначил он мне за рубежом земли³¹?

На будущее ориентированы главные интенции и адресаты *Дневника* – раскрытие миру творческого гения и этической прямоты его автора, его поэтического пророчества. Признание потомков – главное ожидание Кюхельбекера и основная задача *Дневника*. Ориентацией на будущее отличаются и другие мотивации *Дневника*; например, как уже упомянуто выше, в последние годы Кюхельбекер пишет, адресуя в воспитательных целях свой текст сыну.

Мишенька начинает ходить: стоит он уже без помощи и переступает шага три или четыре. Ты, мой милый сын, – если господь продлит жизнь твою – прочтешь и эту отметку, может быть, тогда, когда давно истлеют кости твоего несчастного отца. Помни же, как я тебя любил, как всякое твое развитие радовало мое сердце, которому мало было дано радостей в жизни³²!

Ни один год моей жизни не начинался так тяжело, как нынешний, а заметить должно, что это пишу я, просидевший десять лет в каземате. Как я дневник свой пишу для тебя, мой сын, не хочу обвинять никого, кроме себя. Только скажу одно: научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя. Сверх того, множество и других забот, более мелких, но все же мучительных: обещанных денег все

еще нет, нянька едва ли останется, стряпка непременно отойдет, бедная моя жена все еще больна, и я сам нездоров. Оба мы требуем утешения, а между тем...³³

Как было сказано, Кюхельбекер мало заинтересован своим прошлым и заведомо отказывает *Дневнику* в роли интимного исповедника. Он редко позволяет себе описывать в нем свои внутренние переживания, эмоции и чувства, а когда, перечитывая *Дневник*, вспоминает прошедшее, он этот факт регистрирует, но без проявления особых эмоций³⁴. Напротив, *Дневник* – это одно из средств, чтобы выйти из тоскливой действительности заточения и ссылки, чтобы ‘парить’ в идеальном мире, создать ‘вечное’ измерение. Из этого следуют характеристики дидактизма и пророчества некоторых страниц *Дневника* и тенденция превращать личные переживания в молитвы и взывания к Богу, т.е. переносить личное в план духовности.

Точно так, как человеку иногда посылаются мысли, вдохновения, чувства, которые лучше его, так, кажется, какая-то темная, посторонняя сила зарождает в нем иногда такие, которые хуже его, которых он, несмотря на свое падение, никогда не желал, никогда не искал, от которых силится и не может освободиться: не есть ли это доказательство того, над чем смеются или по крайней мере хотят смеяться питомцы философии 18 века? доказательство существования врага, сеющего плевы посреди пшеницы душ человеческих? Мысли эти, говорю, не грех, но наказание: Бог их допускает, дозволяет врагу терзать ими того, кто для этого врага приготовил хранину ‘убранную и пометену’³⁵.

33 Запись от 9 января 1842 г. (Кюхельбекер 1979: 408).

34 “Большую часть дня я жил в прошедшем: прочел окончание дневника и письма матушки и Юстины Карловны” (Запись от 11 апреля 1832 г.: Кюхельбекер 1979: 112). “Последние шесть недель я много жил в прошедшем: перечитал прежние свои работы, наконец взялся и за дневник с 14-го ноября 1831 года по нынешний день (осталось мне прочесть только последний декабрь месяц); вынул я также письма, которые получил с осени, – прочту и их” (Запись от 1 января 1833 г. – Кюхельбекер 1979: 217).

35 Запись от 16 февраля 1832 г. (Кюхельбекер 1979: 99).

31 Запись от 12 октября 1833 г. (Кюхельбекер 1979: 278).

32 Запись от 10 сентября 1840 г. (Кюхельбекер 1979: 387).

Пасмурная набожность, такая, которую немцы называют *Katzengeschrei*³⁶, разумеется, может казаться смешною людям светским; но, если она только искренна, если она не лицемерство, всегда буду считать обязанностью питать к ней уважение: это младенчество истинного благочестия; как всякий младенец, она спотыкается, шаги ее неверны, походка нетверда, но она возмужает и тогда приобретет свободу в движениях, мужество и ясность взгляда, качества, принадлежащие возмужалости³⁷.

Разумеется, текстовый корпус, который создавался в течение целых пятнадцати лет, не может быть полностью однородным. Побуждения и цели автора заметно меняются после изменения приговора, т.е. замены заключения на ссылку в Сибири: другими становятся его быт, жизненные и внутренние проблемы, пространство и, главное, появляется возможность общения с людьми. Это выражается, например, в том, что в Сибири *Дневник* пишется с большими перерывами, в зависимости от материальных хлопот, отсутствия свободного времени и, в конечном итоге, интеллектуального стимула³⁸; в то время как в годы заточения перерывы редки и кратки и совпадают с моментами творческого и экзистенциального кризиса. Итак, в Сибири *Дневник* Кюхельбекера становится во многом традиционным дневником, который, рядом с записями морального, творческого и эрудитского характера, допускает записи, регистрирующие, то бегло, то внимательно, моменты жизни автора и его окружения, его быт и конкретные, злободневные переживания³⁹.

36 В издании 1979 – *Kastsangerei*, несуществующее слово. В рукописи Кюхельбекера вероятно *Katzengeschrei*.

37 Запись от 19 мая 1843 г. (Кюхельбекер 1979: 414).

38 “Опять два месяца, что я не писал дневник: да писать не было о чем, кроме горя” (Запись от 17 ноября 1837 г. – Кюхельбекер 1979: 368); “Дневник пишу лениво, да, право, нечего писать: книг нет, стихи или не пишутся, или некогда. Ужели здесь еще хуже будет, нежели в Баргузине?” (Запись от 13 июля 1840 г. – Кюхельбекер 1979: 384).

39 Об этом говорят и языковые особенности некоторых записей, внезапно допускающих отголоски живой речи, очень далеко от типичной для Кюхельбекера высоколитературной концепции стиля; см. напр. запись от 25 февраля 1840 г. (Кюхельбекер 1979: 376): “Кончилась масленица. Что-то наши

В этот период становится в определенной степени возможной ‘исповедальность’, которую раньше Кюхельбекер старался избегать: дневник иной раз открывается жене⁴⁰; в то же время, как и прежде, к дневнику Кюхельбекер обращается больше всего в минуты, когда он чувствует себя изолированным и непонятым, т.е. дневник не перестает служить средством для ‘настоящего’ общения, для выхода из узкой сибирской среды в направлении ‘реального’, высшего измерения. Об этом ярко говорит ‘предисловие’ курганской части *Дневника*, начатой в марте 1845 года и посвященной, вероятно, М. Н. Волконской⁴¹. Кюхельбекер здесь намекает на идеальный мир, духовный и творческий, к которому он чувствовал близость в уединении ‘темницы’ и который теперь, в последние два года жизни, снова приближался к нему уже по другой причине – растущей слепоте, все более отдаляющей его от мира реального.

Постараюсь ныне, когда для меня, так сказать, в новом месте началась новая жизнь, быть в ведении своего дневника точным, добросовестным и, сколько то возможно по теперешнему состоянию моей души, искренним. Вам, мой новый, но верный друг, буду по временам пересылать эти тетради... Пусть мысль, что вы будете моею второю совестью, что вы будете читать все, тут написанное, поддержит меня и поможет мне всегда быть хоть несколько достойным вас. Не стану вам во всем исповедоваться: из моих суждений о людях, о книгах, из отчета о моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаюсь назад. Но будут тут часто вопросы, и два очень тяжелых и теперь давно уже на душе моей. Решусь ли их предложить вам в этой тетради – не знаю. Скажу вам только, что они снова сильно стали тревожить меня с тех пор, как я стал опять знакомиться новым

баргузята? Чай, гуляют! Слава богу, меня тревожили эту неделю не слишком, но и делать-то я немного сделал: все немой”.

40 “Жена меня просила отметить, что Ванюшка в первый раз усмехался” (Запись от 20 января 1841 г. – Кюхельбекер 1979: 394).

41 Ср. Примечания к Дневнику (Кюхельбекер 1979: 740).

путем с тем миром, к которому я был когда-то ближе, но от которого меня удалили 1835 год и последовавшие за ним.

Вот мое предисловие к дневнику новому, кургановскому, который, вероятно, мало будет походить на прежние [курсив мой - С.А.]⁴².

“Не стану вам во всем исповедоваться: из моих суждений о людях, о книгах, из отчета о моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаюсь назад” – в этой фразе заключена суть *Дневника* Кюхельбекера, его концепция и причины ориентации на реципиента: так как не интимные откровения, а суждения о людях, книгах и отчеты о творческих занятиях смогут говорить одновременно о глубине рассуждающей личности автора.

Дневник Кюхельбекера не просто ‘автотерапия’ человека, лишённого свободы, общественной и профессиональной жизни. Из него вырисовывается своеобразная фигура критика, поэта, эрудита, его религиозные, моральные и интеллектуальные потребности, его убеждения в собственном высоком предназначении, которые возвращали ему смысл жизни и определяли его выбор целей и адресатов. В этом смысле это дневник, который полностью совпадает с определением жанра как “словесной, письменной практики, понятой как деятельность” (Rodak 2006: 32). *Дневник* Кюхельбекера передал нам моральное и интеллектуальное ‘Я’ его автора, и он остается уникальным и важным документом своей эпохи.

⁴² Запись от 29 марта 1845 г. (Кюхельбекер 1979: 421).

Библиография

Алоэ 2003: С. Алоэ, *Кюхельбекерно или тошно? О факторах оценки 'второстепенного' писателя В.К. Кюхельбекера в истории русской литературы пушкинской поры* // И.В. Мотеюнайте и др. (ред.), *Четвертые Майминские чтения: Забытые и 'второстепенные' писатели пушкинской эпохи*, ПГПИ, Псков, 2003, с. 40-45.

Альтшуллер 1992: М.Г. Альтшуллер, *Неопубликованная редакция повести В.К. Кюхельбекера* Адо, «Russian Language Journal», 1992, vol. XLVI, с. 192-196.

Егоров 2002: О.Г. Егоров, *Дневники русских писателей XIX века: Исследование*, Флинта; Наука, Москва, 2002.

Королева/Рак 1979а: Н.В. Королева, В.Д. Рак, *Примечания* // В.К. Кюхельбекер, *Путешествие, дневник, статьи*, Наука, Ленинград, 1979, с. 646-768.

Королева/Рак 1979б: Н.В. Королева, В.Д. Рак, *Личность и литературная позиция Кюхельбекера* // В.К. Кюхельбекер, *Путешествие, дневник, статьи*, Наука, Ленинград, 1979, с. 571-645.

Кюхельбекер 1929: *Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10-40 годов XIX века*, Прибой, Ленинград, 1929.

Кюхельбекер 1979: В.К. Кюхельбекер, *Путешествие. Дневник. Статьи*, Наука, Ленинград, 1979.

Мстиславская 1975: Е.П. Мстиславская, *Творческие рукописи В.К. Кюхельбекера*, «Записки ОР ГБЛ», 1975, № 36, с. 5-37.

ЛН 1954: В.Н. Орлов (предисл. и коммент.), *Письма Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829-1846)* // *Литературное наследство*, т. 59, Москва, 1954, с. 395-478.

Платоне 1988: Р. Платоне, *Дневник Кюхельбекера как интеллектуальная биография*, «Europa Orientalis», 1988, № VII, с. 51-70.

Проскурин 2000: О.А. Проскурин, *Литературные скандалы пушкинской эпохи*, ОГИ, Москва, 2000.

Тоддес 1990: Е.А. Тоддес, *Неизвестные тексты Кюхельбекера из архива Тынянова* // *Тыняновский сборник: IV Тыняновские чтения*, Рига, 1990, с. 238-270.

Толстой 1984: Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений: В 22 томах*, т. 18, *Художественная литература*, Москва, 1984, с. 831-833.

Тынянов 2001: Ю.Н. Тынянов, *История литературы. Критика, Азбука-классика*, Санкт-Петербург, 2001.

Kusiak-Skotnicka 2007: Ł. Kusiak-Skotnicka, *Więzienny dziennik lektur i myśli: Dziennik 1831-1845 Wilhelma Küchelbeckera*, *Studia Rossica. XIX: Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich*, Warszawa, 2007, pp. 43-50.

Lejeune 1996: P. Lejeune, *Le pacte autobiographique*, Seuil, Paris, 1996.

Pieri 2007: B. Pieri, *Memoria, tempo, racconto: spunti metanarrativi nelle Confessioni di Agostino*, in A. Fassò (a cura di), *Memorie, diari, confessioni*, Il Mulino, Bologna, 2007, pp. 27-50.

Platone 1990: R. Platone, *Kjuchel'beker: dal Diario alla prosa d'arte*, in R. Platone (a cura di), *Letteratura e psicologia: L'introspezione come elemento narrativo nella letteratura russa dell'Ottocento*, Ist. Univ. Orientale, Napoli, 1990, pp. 37-51.

Rodak 2006: P. Rodak, *Dziennik pisarza: między codzienną praktyką piśmienną a literaturą*, «Pamiętnik Literacki», 2006, 4, pp. 29-49.